

Н.О. Лернер

Рассказы о Пушкине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н.О. Лернер**
Рассказы о Пушкине / Н.О. Лернер – М.: Книга по Требованию, 2023. –
224 с.

ISBN 978-5-458-63662-9

Часть очерков, вошедших в предлагаемый сборник, печатается впервые. Автора занимали некоторые вопросы биографии поэта и истории его творчества, его эпоха и бытовые условия, в которых он жил. Без объективного знания всевозможные оценки личности поэта и созданного им великого дела должны оставаться беспочвенными и могут лишь давать простор произвольным, заманчивым подчас, но бесплодным построениям. Именно объективному знанию настоящие очерки и служат. Не притязая на полноту изображения, доступную только всеохватывающей биографии, имея значение лишь эскизов, они рисуют личность Пушкина и характеризуют его творчество с различных и интересных сторон.

ISBN 978-5-458-63662-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАССКАЗЫ
О
ПУШКИНЕ

СЕСТРА ПУШКИНА

Ольга Сергеевна была немного старше Александра. Она родилась 20 декабря 1797 г. в Петербурге. Из семи детей Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных четверо умерли в малолетстве, и выросли трое, один из которых и прославил семью. Ольга Сергеевна не играла в жизни своего гениального брата особенно крупной роли, не была для него тем, чем например для Ренана была его сестра Генриетта, но она была доброй подругой его детства, а потом, в трудные минуты его жизни, не отшатнулась от него, как другие родные, выказала ему сочувствие и морально поддержала его. Известно, что Пушкин был довольно холоден к родителям, которые, повидимому, рано оттолкнули его от себя, но сестру, так же как и брата Льва, бывшего моложе их обоих, он всегда любил. «Я думаю, — говорит А. П. Керн, которая хорошо знала поэта и Ольгу Сергеевну и не раз наблюдала их вместе, — он никого истинно не любил кроме няни своей и потом сестры.¹ По словам другого современника² Пушкин к Ольге Сергеевне «питал особенную привязанность».

В детстве Ольга Сергеевна в качестве старшей была в глазах брата авторитетом. Ей пришлось быть критиком его первых творческих опытов. Пушкин любил им-

¹ «Русс. Стар.» 1870 г., март, 654. Как относилась сестра к брату, об этом можно судить по забавному случаю, сообщаемому той же Керн. Однажды они были втроем, и Пушкин подсел к Анне Петровне и «между прочими нежностями» сказал: «дайте ручку»... Сестра поэта заметила, что не понимает, как можно отказывать просьбам Пушкина, и это так понравилось Пушкину, что он бросился перед нею на колени (Л. Майков, «Пушкин», СПб., 1899, стр. 264).

² С. П. Шевырева (там же, 324).

провизировать комедийки и, «по общему согласию с сестрой, устроил нечто в роде театра, где автором и актером был брат, а публикой сестра». ¹ Эта немногочисленная публика однажды освистала пьесу «L'Escamoteur»; автор не стал спорить с строгим приговором и попытался во французском четверостишии объяснить свой провал похищением сюжета у Мольера. Воспитывались брат и сестра вместе. Та же няня Арина Родионовна пестовала их, ² те же учителя и гувернеры учили их, и довольно плохо, и надзирали за их поведением. Одна из гувернанток, мисс Белли, которую Ольга Сергеевна очень любила, учила ее английскому языку и читала с нею Шекспира; особенно высоко ставила Ольга Сергеевна «Макбета». Французский эмигрант граф Ксавье де Местр (автор свыше меры прославленного «Путешествия вокруг моей комнаты» и «Параши-Сибирячки») учил ее живописи, и она впоследствии очень недурно рисовала. ³ Учили ее и музыке, но преподаватель попался из неудачников-танцмейстеров и к тому же не чуждался рукоприкладства, да и клавикорды были допотопные, бабушкины. Хотя такое преподавание скоро опротивело Ольге Сергеевне, она музыки все-таки не оставила, что видно и из послания, с которым обратился к ней брат в 1814 г. ⁴:

Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?

Характерно, что Пушкин, уже три года тому назад отвезенный в Царское Село, в лицей, это свое первое лирическое признание и вместе с тем первое исповеда-

¹ П. В. Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», изд. 1854 г., стр. 13 — 14.

² На своем образном языке няня прозвала маленькую Ольгу: «занавесная барыня», так как приходилось закрывать чем-нибудь девочке глаза при кормлении грудью.

³ Один ее рисунок воспроизведен с Соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрона, I, 83.

⁴ Стихотворение сохранилось благодаря Ольге Сергеевне и печатается с ее автографа; в бумагах самого поэта никаких следов его не осталось.

ние своего поэтического призвания посвятил не отцу, не матери, а именно Ольге Сергеевне, своему «другу бесценному». Он мечтает о свидании с ней:

С подругой обнимуся
Весны моей златой...
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь?
Жанлис ли пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
Вдоль веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?..
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?..

Ольга Сергеевна, как почти всякая девушка той эпохи, была настроена на романтический лад, чему, впрочем, способствовали ее природные наклонности. Она увлекалась спиритизмом, занималась столоверчением, изучала хиромантию, физиономику и френологию; сочинения Галля и Лафатера стали ее настольными книгами, с помощью которых она, по ее мнению, «безошибочно распознавала характеры людей». ¹ С Александром, который не мог покидать лицей, она видалась очень редко; только, бывая с родными по праздникам в лицее, она могла встречаться с братом, который читал своему прежнему критику свои стихи. Чтение Ольга Сергеевна любила так же, как и брат. Отец читал ей вслух Мольера. Библиотека отца, в которой были классики XVIII столетия, была вся к ее услугам. Приведенные стихи брата достаточно говорят об ее охоте к чтению и несколько свидетельствуют об ее литературных вкусах.

¹ «Она бредит сочинением Лафатера о физиономиях» — писала в 1826 г. С. М. Дельвиг — «она много его изучала, и ее страсть распознавать характер всех по чертам лица» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лг., 1929, стр. 201).

Летом 1817 г., по окончании лицейского курса, Пушкин провел несколько недель у родных в с. Михайловском. Здесь он встретился снова с сестрою. В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр басен Лафонтена, подаренный ему сестрою в это лето (13 июля).¹ Пребывание в Михайловском, где Ольга Сергеевна находилась в кругу веселых соседей и друзей, бывало настоящим праздником для девушки, отдыхавшей тогда от семейного деспотизма, от той «родительской музыки», которая не раз отравляла жизнь и Александру. Свой взгляд на родственные узы, под которыми не кроется любви и сочувствия, Пушкин с грустным добродушием высказал в «Евгении Онегине»:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак дай бог им долги дни!

К таким «родным людям» Пушкин не причислял Ольги Сергеевны. По всей вероятности к ней² относится исповедь поэта, которую можно датировать 1818 — 1819 гг.:

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнь, томимый суетою,
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть.
Ты помнишь, милая, зарею наших лет,
Младенцы, мы любить умели.
Как быстро наши лета улетели!
В кругу чужих, в немилой стороне,
Я мало жил и наслаждался мало!
И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне!..

Настала новая разлука. Поэт очутился на юге. Не часто и не много писал он сестре оттуда. В одном

¹ «Пушкин и его современники», IX — X, 265.

² М. Г. Халанский, «О влиянии В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина» («Харьков. университет, сборн. в память Пушкина», Хар., 1900, стр. 384 — 385).

письме (27 июня 1821 г.) он шутливо расспрашивает ее, все ли она еще любит одинокие прогулки, как зовут ее любимых собачек, что читает она, ездит ли верхом, собирается ли замуж... «Веселись и выходи замуж», писал он ей через год (21 июля 1822 г.). Когда, в 1822 г., И. П. Липранди, встречавшийся с Пушкиным на юге, навестил, приехав в Петербург, его родных, то «из всех интересовалась более знать об Александре Сергеевиче сестра его».¹

Свидание сестры с братом наступило довольно неожиданно для них обоих. 9 августа 1824 г. жандарм привез Пушкина в Михайловское, под надзор отца. Поэт застал здесь и сестру, и брата Льва, и родителей. Последние уже давно были недовольны сыном, который пошел не по той дороге, на которой им хотелось его видеть, служить не умел и не желал, уже два раза навлек на себя гнев правительства и из ссылки попал в новую ссылку и таким образом скомпрометировал своих близких. Их отношения, и раньше довольно прохладные, теперь окончательно испортились. Отец обвинял Александра между прочим в антирелигиозном влиянии на брата и сестру. В октябре поэт писал княгине В. Ф. Вяземской: «Заявляют, что я проповедую атеизм сестре, небесному созданию»; тогда же он писал Жуковскому: «Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра». Тяжелые отношения скоро привели к разрыву, и в конце ноября Пушкин был в Михайловском уже один, на что, впрочем, не жаловался. Ольга Сергеевна выражала желание остаться с ним, но он никак не мог согласиться, чтобы она из привязанности к нему целую зиму проскучала в деревне. В своем одиночестве он жалел лишь об ее отсутствии.²

Лёвушка, младший брат, был еще слишком юн и к тому же довольно легкомыслен и никаким значением в семье не пользовался, но Ольга Сергеевна умела влиять на родителей и старалась примирить брата с ними. Летом 1825 г. старики Пушкины вместе с Ольгой Сергеевной были в Ревеле, на морских купаньях. Туда же

¹ «Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1483.

² Записки И. И. Пущина (Л. Майков, «Пушкин», стр. 80).

приехал друг Пушкина князь П. А. Вяземский и познакомился с Ольгой Сергеевной. Они очень подружились и часто встречались. Письма Вяземского¹ полны похвалами ей. «Милое, умное, доброе создание», писал он оттуда самому Пушкину. Она напомнила Вяземскому своего брата. «Премилая девочка», «очень мила, жива», «моя приемная сестра», говорит о ней Вяземский в письмах к своей жене. Постоянным и главным предметом бесед Вяземского с Ольгой Сергеевной была, конечно, участь Александра, которого Вяземский всячески старался «образумить», боясь, что ссора с родителями и нежелание пойти на компромисс с властью еще больше повредят ссылке. «Вспомни», — писал он поэту, — «собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали; есть еще и такая привязь, что разом утомонит дыхание; у султанов она называется почетным снурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом». Несколько раньше Вяземский писал Ольге Сергеевне, чтобы она повлияла на брата и понудила его сделать первый шаг к примирению с отцом. «Дайте ему понять, что этот мир необходим для вашего спокойствия. Вдобавок я боюсь того впечатления, которое его ссора с родителями может произвести на общество и на самого государя. Мы живем в такое время, когда все становится известным; у вашего брата есть враги, — не замедлят изобразить его перед государем как человека, который бунтует вообще против божеских и человеческих законов, не умеет переносить никакой узды и, будучи дурным сыном, будет дурным гражданином»². В начале августа, когда Пушкины уезжали из Ревеля в Петербург, Вяземский поднес Ольге Сергеевне стихи, в которых прекрасно определил ее значение в жизни брата.

Нас случай свел. Но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой.
Поэта друг, сестра и гений милый,
По сердцу ты и мне давно родня!
Так! в памяти сердечной, без заката,
Мечта о нем горит теперь живей:
Я полюбил в тебе сначала брата,

¹ «Остафьевский архив кн. Вяземских», т. V, вып. 1, СПб., 1909, стр. 56, 58, 68, 90.

² «Пушкин и его современники», I, 79—80.

Брат по сестре еще мне стал милей.
Его удел — блеск славы горделивой,
Сияющей из лона бурных туч,
И от нее падет блестящий луч
На жребий твой, смиренный, но счастливый.
Но ты ему спасительнее будь:
Свети ему звездою безмятежной
И в бурной мгле участием, дружбой нежной
Вливай покой в растерзанную грудь.¹

Ольга Сергеевна усердно хлопотала в пользу ссыльного брата, и он же вскоре обрушился на нее, а также на других своих близких и друзей, старавшихся облегчить его положение, когда они добились для него разрешения съездить в Псков полечиться. Болезнь была лишь выдуманным предлогом для подготовки побега за границу через Псков и Дерпт, но дерптского хирурга Мойера упростили приехать в Псков и сделать там Пушкину операцию (в которой не было никакой надобности). Задуманный план рухнул, и раздосадованный Пушкин стал отказываться от поездки в Псков, а сестре сгоряча написал (в середине августа) письмо, в котором бранил своих заступников за их «непонятную жестокость», за «беспечность и легкомыслие». «Избавь меня, боже мой, от моих друзей!» — так кончались эти безрассудные строки. Письмо оскорбило всех близких поэта, а в особенности Ольгу Сергеевну. «Бедная сестра твоя» — писал Вяземский, — «только слез, а не толку добилась из твоего письма; она целый день проплакала и в слезах поехала в Москву» (23 августа). Огорчен был и Жуковский, тоже принимавший деятельное участие в хлопотах в пользу Пушкина, и писал ему: «Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре». Но Пушкин понял свою ошибку и поспешил ее исправить, все очень скоро уладилось, и в конце августа друзья Пушкина, которых он огорчил неблагодарностью и чуть не поставил в тяжелое положение перед правительством своим отказом от дарованной «милости», с удовольствием узнали, что он изменил свое решение. Вяземский писал² своей жене, находившейся тогда в Москве, чтобы она сооб-

¹ «Остаф. арх.», V, вып. I, стр. 85 — 86.

² Там же, стр. 94.

шила сестре Пушкина, что «он соглашается ехать в Исков, и, кажется, все будет устроено».

В следующем году она опять была с родителями в Ревеле на купаньях. Приехали туда Карамзины (семья недавно умершего историка), Вяземский и бар. А. А. Дельвиг. Ольга Сергеевна встречалась с друзьями брата и служила посредницей в их сношениях с ним, так как письма посылались не по почте, которой все корреспонденты имели основание не доверять. Оттуда Ольга Сергеевна писала Александру: «Я очень довольна, что нахожусь здесь. Морские купанья, свобода, которою я располагаю для одиноких прогулок, возможность видеть людей, должно быть совершенно чуждых всей петербургской суете и так мало похожих на моих милых соотечественников, все это иногда заставляет меня верить, что я за тридцать пять тысяч верст от моей дорогой родины, и дарит мне счастливые минуты... Если бы ты знал, как мне хотелось бы поехать за море, ты пожалел бы меня». Этому желанию Пушкин мог посочувствовать горячее, чем кто бы то ни было: он сам в это время мечтал о чужих краях, о «Лондоне, чугунных дорогах, паровых кораблях, английских журналах, парижских театрах» (пис. Вяземскому 27 мая). Кончает Ольга Сергеевна кратким, но значительным намеком: «Надеюсь, что мы скоро увидимся». Ей было известно, что дело об освобождении брата близко к благополучному концу. Через шесть недель Ольга Сергеевна, бывшая уже в Петербурге с родителями, с радостью узнала, что Александр в Москве и на свободе. «Как счастлива семья твоя, ты не можешь себе представить... Они доказали тебе любовь свою», писал ему Дельвиг, и Пушкин наверное не мог не понимать, что всех больше доказала это Ольга Сергеевна.

Наступил 1827-й год, и Ольге Сергеевне пошел тридцатый, — близился тот роковой возраст, который окончательно переводит девушку в разряд старых дев. «Выходи замуж», не раз говорил ей брат Александр; то же, конечно, твердили и другие. Для нее, как для всякой девушки ее круга и ее эпохи, замужество было единственным способом устроить свою судьбу; к тому же ее давно тяготила душная семейная обстановка, на-